

Илья Муромец и Соловей-разбойник

Прежде всего Тупицын рассказал известное предание о том, как Илья Муромец сиднем сидел тридцать лет и потом получил силу богатырскую, как отец его купил ему жеребенка у попа на 300 рублей и как в первый раз отправился Илья Муромец поленичать.

Выводил Илья Муромец добра коня
Из завозеньки из новыя,
Накладывал он потнички бумажные,
На потнички седельшко черкасское,
Клал обет на палицу боевую
И на саблю на острую,
На копье мурзамецкое,
Чтобы не увязывать до города до Киева,
До солнышка до Сеславьева.
И ставал в стремяшко гольяшное,
И садился в седельшко черкасское.
Не ясен сокол в перелет летал,
Не белый кречет перепархивал,
Туто ехал удалый добрый молодец,
Старый казак Илья Муромец.
Он и едет ко городу ко Кидошу.
Над Кидошом-градом по грехам учинилося:
Подступала сила поганая.
Бил, топтал он силу поганую,
Бил, топтал трои сутички,
Не пиваючи, не едаючи,
Со добра коня не слезаючи.
И во том во городе Кидоше
Выходили попы, отцы дьяконы,
Выносили образа и иконы святы,
И служили они службу молебную:
— То ли город наш бог защитил,
То ли ангел святой,
И выбил, вытоптал силу поганую!
И едет старой казак ко городу Кидошу,

И едет мимо той церкви соборная,
И говорят попы, отцы дьяконы:
— Ой ты гой еси, удалый добрый молодец,
За один ты стол хлеб-соль кушати!
Ты скажи нам свою отчину.

Проговорил удалый добрый молодец:
— Я по поезде Юриш-Мариш-Шашмаретин,
По потехе Борис-королевич млад,
Не изволю я хлеб-соль кушати,
А скажите мне дорожку прямоезжую
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву.

И проговорят попы, отцы дьяконы:
— Ой ты гой еси, удалый добрый молодец,
Была-де дорожка прямоезжая,
Прямо шла в стольный Киев-град,
Дак залег Соловей-разбойничок,
Не пропускают ни конного, ни пешого.

Проговорил удалый добрый молодец:
— Мне туда и дорога быть.

И подъезжает он к батюшку Непру-реке,
Не случилось ни мостов, ни переездчиков.
И зачал удалый добрый молодец дубье рвать,
Зачал он через Непр-реку мост мостить,
Переезжать через Непр-реку на ту сторону.
И слышал Соловей вор-разбойничок,
И слышал за пятнадцать верст,
И летит навстречу добру молодцу,
И садился он на сырой дуб кряковистой —
Приклонялся сырой дуб ко сырой земле.
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Зашипел Соловей по-змеиному,
Заревел Соловей по-звериному —
Под Ильею конь пал накорачь.
И выдерживал он шельгу подорожную,
Стягал коня по тучным бедрам,
Сам молодец приговаривал:
— Ах ты, волчья сыть, травяной мешок!

Не слышал ты свисту богатырского,
Не слышал ты шипу змеиного,
Не слышал ты реву звериного?

Тут конь под Ильей рассержается,
Он скакал выше лесу стоячего,
Ниже облака ходячего.

И брал старый свой тугой лук,
И брал из колчана калену стрелу,
И клал он на тетивку шелковую,
Стрелял Соловья вора-разбойника,
Попадал ему в правый глаз.

И падат Соловей на сыру землю,
И приковал его ко стремяну,
Ведет его по чисту полю,
И ведет его к высокоу терему.

У Соловья вора-разбойника
Дочь была сдогадлива —
Отворяла она воротички широкие,
На ворота клала сабельку острую,
Хотела срезать старому буйну голову:
— Ой ты гой еси, удалой добрый молодец,
Заезжай ко мне ты на широкий двор!

А старый казак был сдогадливой,
Берет он ее на чингалище острое,
Бросает ее на сыру землю.
И едет добрый молодец чистым полем.
У Соловья вора-разбойника девять молодцов.
И видит он в чистом поле девять молодцов,
Девять молодцов в кулачки бьются,
И сами говорят таковы слова:

— Вон батюшка едет, мужика ведет.
На отворот того други говорят:
— Нет, мужик-от ведет нашего батюшка.

Они хочут похитить добра молодца.
Проговорит старый казак Илья Муромец:
— Закликни ты своих малых детей,
Не закликнешь — самого смерти предам.

Проговорит Соловей вор-разбойничек:
— Не троньте вы удала добра молодца,

У меня силушки не с вашу есть,
Да старой казак в горсти зажал.
Насыпайте вы тележки златокованны,
Насыпайте золота, серебра,
Везите в стольный Киев-град
И везите на царев кабак,
Пойте вы добра молодца и чествуйте,
Чтобы он меня пустил в живности.

Едет Илья Муромец чистым полем и видит —
Опять девять сынов Соловья вора-разбойника
В кулачки бьются.

Опять напирают на Илью Муромца.

Соловей им тут опять отказал:

— Вы не троньте стара казака,
Стара казака Илью Муромца,
Вы не тронье, лучше кланяйтесь!

Едет он опять чистым полем,
Опять у Соловья вора-разбойника девять сынов,
И те опять напирают на стара казака,
На стара казака Илью Муромца.

Проговорит Соловей вор-разбойник:

— Не троньте вы молодца прямоезжего,
У меня силы не с ваше,
Да старый в горсти держал.

И немного у него сынов — только двадцать семь.

И едет старой ко городу ко Киеву,

Ко ласковому князю Владимиру.

И едет на улицу на широкую,

Ко тому ко терему высокому,

Ко тому окошечку стекольчату.

Со добра коня старый соскакивал,

Ни к чему коня он не привязывал,

Никому коня он не приказывал,

Идет к воротечкам решетчатым,

И спросил он у ворот приворотников,

И спросил он у дверей придверников,

Отворял он двери помалешеньку,

И ступал он в палату потихошеньку,

Крест кладет по-писаному,

Поклон ведет по-ученому,
Кланятся на все стороны:
— Здравствуешь, ласковый Владимир-князь
И со душечкой со княгинею,
Князьям-боярам — на особицу!

Говорит ласковый Владимир-князь:

— Добро жаловать, удалой добрый молодец!
Ты скажи нам, добрый молодец, свою отчину.
— Ой ты гой еси, ласковый Владимир-князь,
Из того я города из Мурома,
Старой казак Илья Муромец,
Ехал я мимо Непра-реки,
Очистил вам дорожку прямоезжую.

Злые бояре — подмолчивые,

Говорят таковы слова:

— Мужик, ты мужик, деревенщина,
Хвастаешь небыльей своей,
Чужим именем называешься:
Где тебе похитить Соловья вора-разбойника!

Тут старому за беду стало,

За великую досаду показалось,
Говорит он таковы слова:

— Гой еси ты, ласковый Владимир-князь,
Скрой ты оконенку стеклянную,
Посмотри на улицу на широку,
Стоит ли мой добрый конь?

Послушал его ласковый Владимир-князь,

Скрыл оконенку стеклянную,
Посмотрел на улицу на широку,
И увидел, что стоит добрый конь
С Соловьем вором-разбойником.

Тут старому за беду стало,
За великую досаду показалось,
Надевал он черну шляпу, вон пошел.

Тут ласковый Владимир-князь
Наливает чару зелена вина
И бежит скоро на красно крыльцо:
— Ой ты гой еси, удалой добрый молодец,
Ты старой казак Илья Муромец,

Хоть выпей ты чару зелена вина!

И проговорит старый казак Илья Муромец:

— Ах ты гой еси, батюшко Владимир-князь,
На приходе ты гостя не употчивал,
На походе ты гостя не учествуешь!

И зашел старой на царев кабак,
Пил-гулял трои суточки.

Проговорит ласковый Владимир-князь:

— Ой ты гой еси, мой верный клюшничок,
Ты поди позови Илью Муромца
Ко ласкову князю Владимиру,
Позови ты его на почестный пир,
Позови ты его честнешенько
И кланяйся ему низешенько.

Тут клюшничок не ослушался,
Зовет стара казака Илью Муромца:

— Пожалуй же, старый казак Илья Муромец,
И пожалуй же — тебя князь зовет,
Князь зовет да на почестный пир.

Тут старый не ослушался,
Надевает черну шляпу, вон идет.
Идет он на улицу на широку,
Ко тому ко терему высокому,
Отворят он двери помалешеньку,
Запират он двери потихошеньку,
Крест кладет старый по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Кланяется на все стороны:

— Здравствуешь, ласковый Владимир-князь
Со душечкой со княгинею,
Князь-бояры — на особицу!

Проговорит ласковый Владимир-князь:

— Добро жаловать, удалой добрый молодец,
Ты, старый казак Илья Муромец!
Ты садись-ко на лавочку булавою
За один стол хлеб-соль кушати.

Наливает князь чару зелена вина,
Не малу чару — в полтора ведра,
Подает удалу добру молодцу.

Принимает молодец единой рукой,
Выпивает молодец единым духом.
Проговорит ласковый Владимир-князь:
— Гой еси ты, старой казак,
Ты, старой казак Илья Муромец,
Приведи ты Соловья вора-разбойника
Во мой во высок терем,
В мою палату белокаменну,
Заставь посвистать по-соловьему,
Заставь пошипеть по-змеиному,
Заставь пореветь по-звериному.

Тут старый казак вставал на ноги,
Идет на улицу на широкую,
Ко своему коню доброму,
Отвязывает Соловья вора-разбойника
От того стременышка гольяшного,
Ведет в палату белокаменну,
Заставляет свистать в полсвиста,
Пошипеть помалешеньку,
Пореветь потихошеньку.
Берет старый казак князя под пазуху,
Молоду княгиню — под другу руку.
Зачал Соловей свистать по-соловьему —
Тут бояры оглушились,
Падают они на кирпичат пол.
Стал унимать Соловья Илья Муромец.
Тут Соловей прирассердился,
Хотел оглушить Илью Муромца —
Все окошечки повылетели,
Новая палата вскрылася.
Тут старому за беду стало,
Сохватал он саблю острую
И ссек Соловью буйну голову.

*(Зап. С. И. Гуляев от Л. Г. Тупицына. Прозаическое введение к былине
принадлежит собирателю)*

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.